

УДК 821.512.142

**ОБРАЗНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА *ДОЖДЬ*
В РАССКАЗЕ «ВРЕМЯ ДОЖДЕЙ» ХАНТЫЙСКОГО
ПИСАТЕЛЯ Е. АЙПИНА**

© **Исакова Снежана Анатольевна**

аспирант кафедры русской литературы XX века и теории литературы Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова.

Россия, 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 46

E-mail: snejana_issakova@inbox.ru

Рассматривается культурный концепт *дождь* как единица национальной концептосферы и одна из «констант» хантыйской культуры на материале рассказа Еремея Айпина «Время дождей». Сочетая в себе природные, географические, бытовые, религиозные и другие специфические признаки лингвокультуры народа ханты, данный концепт приобретает особое выражение в контексте образной структуры художественного произведения.

Ключевые слова: концепт *дождь*, культурный концепт, национальная концептосфера, хантыйская литература, Еремей Айпин.

**IMAGE CONTENT OF “RAIN” CONCEPT
IN SHORT STORY “TIME OF RAINS” BY KHANTY
WRITER E. AIPIN**

Snezhana A. Isakova

postgraduate student, Department of Russian literature of the 20th century and literary theory, Northeast Federal University named after M. K. Ammosov.

46 Kulakovskogo St., Yakutsk, 677000 Russia

The article reviews cultural concept “rain” considered as a unit of national concept sphere and one of the “constants” of Khanty culture on the material of Eremey Aipin’s short story “Time of Rains”. This concept combines natural, geographic, religious and other specific signs of Khanty linguistic culture, and hence has special expression in the context of image structure of artistic work.

Keywords: concept “rain”, cultural concept, national concept sphere, Khanty literature, Eremey Aipin.

Наличие образного слоя – один из важнейших признаков концепта. С точки зрения Н. Ф. Алефиренко, образ – первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление. В контексте языкового сознания он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для моделирования того или иного феномена национальной культуры. Образная составляющая концепта – это все образные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусо-

вые и т. п.) характеристики предметов, явлений, событий, отраженные в памяти носителей той или иной лингвокультуры [1, с. 58]. Образ кодирует концепт в сознании человека и обеспечивает наиболее легкий доступ к его содержанию, составляя его наиболее яркую, наглядную, устойчивую часть [2, с. 26].

В хантыйской культуре концепт «дождь» есть результат многовекового познания и реально существующего в природе явления. Согласно научным представлениям, климат на территории современного Ханты-Мансийского соответствуют пониманию концепта: «Максимум осадков приходится на теплое время года. В июле–августе суммы осадков составляют 60–80 мм, в основном ливневого характера. Даже при сравнительно небольшом их количестве величины испарения весьма несущественны, в результате чего вся территория располагается в зоне избыточного увлажнения» [3]. То есть значимость и актуальность концепта «дождь» для хантыйского народа обусловлены прежде всего природно-климатическими условиями проживания и их важностью для практической и, в частности, промысловой деятельности.

В рассказе хантыйского писателя Е. Айпина «Время дождей» (1977) воспроизведена драматическая обстановка в тайге, где буровая вторглась в былую лесную тишину, принесла сюда не только скрежет и стук дизелей, но и гибель всего живого. Гибелью обратилась и судьба героини рассказа – Веры Тарлиной. После трагической смерти ее отца остались сиротами шестеро детей. Вера вынуждена была пойти работать сначала в колхоз, потом на буровую. Мрачная картина ее существования усугубляется долгим, непрерывным, постылым дождем. Все, что происходит в рассказе, совершается во время дождя, который «родился так давно, что коллектор буровой Вера Тарлина уже забыла тот день, когда продырявилось небо и наступило время кислой воды» [4, с. 74] (далее ссылки на страницы этого издания будут указаны в круглых скобках). Дождь выступает в роли рассказчика, который «пересказывал ее жизнь», «напоминал» о том, как она попала на буровую, «водяным языком пересказывает» мрачные события на буровой и, наконец, становится единственным свидетелем ее гибели, когда «залепетал... о чем-то темном» и, негодуя, «неистово молотил по балкам».

Образ дождя в рассказе интерпретируется нами по зрительным, цветовым, звуковым и тактильным параметрам. Зрительно действие дождя в большинстве случаев передается следующей фразой: «...на небо уже не смотрели, а угрюмо, без всякой надежды взирали» (с. 74).

Процесс «видения» дождя приобретает эмоционально-негативные характеристики: это и отсутствие видимости, и раздражающая расплывчатость пейзажа, и вид, вызывающий грусть, скуку, беспокойство, отчаяние: «Вера Тарлина уже забыла тот день, когда продырявилось небо и наступило время кислой воды... и этот дождь... беспросветный, постылый неожиданно вторгшийся в эти дни... на дощатой крыше монотонно плясали дождинки... по стеклам ползли темные струйки воды... под дождем пригнулись кусты, унылые и безрадостные» (с. 74, 75).

Лишь в редких случаях созерцание этого погодного явления имеет эмоционально-положительную окраску: «По утрам небо прояснялось, на мгновение прорывался изможденный лучик солнца. Вместе с ним прорывался на буровую и долгожданный вертолет с людьми и продовольствием» (с. 75).

Визуальный образ дождя кодируется образами воды, капель, ручьев, струй, потоков, низвергающихся с неба, образами капель, скользящих по стеклу, рек, потопа, образами луж и пузырей: «чвакающая под ногами грязь.... будто перед всемирным потопом, дождь давно переполнил реки и озера... монотонно плясали дождевики, ползли струйки воды... ручей яростно клокотал и давился желто-мутной пеной...» (с. 74, 75, 77, 80).

Зрительный образ дождя соотносится с его определениями, имеющими, помимо прочих, непосредственно визуальные различия: проливной дождь, ливень, обложной дождь, короткий ливень, частый дождь, мелкий дождь и т. п., например: «Дождь сеял бисеристо мелкий и нудный – проникал во все, что стлыло под небом» (с. 74).

Дождь в рассказе Е. Айпина предстает в общей цветовой палитре от темного, черного, как ночь, как земля, до серебряного цвета, включающего также красный, желтоватый, голубой и все оттенки серого.

Выделяется черный цвет во всех его проявлениях, он является доминантным в создании тягостной атмосферы, связанной с образом дождя. В хантыйской культуре выделяются следующие ассоциации с предметами черного цвета: смерть, старость, болезнь, душевные расстройства, опасность, враждебность, нечто чужое. «Черный» интерпретируется так же, как и «некрасивый», «чужой», «враждебный», например, в драматичной для героини ситуации: «...кто-то черный и лохматый, дохнув перегаром, навалился на нее...» (с. 80).

Черный, а также серый цвета способствуют созданию определенного настроения в повествовании, в большинстве случаев негативно влияя на эмоциональное состояние героев, вызывая грусть, апатию, тоску: «Буровики стали неуклюжими и сырыми, как тяжело больные водяной... Митроха, злобно сверкая кровавыми белками, тихонько рычал: «Проклятый дождь!»» (с. 76). Цветовизуальный образ дождя наиболее ярко реализуется в исследуемом тексте в образах серого и черного пространства: «...за окном непробиваемая стена августовской ночи... Все слилось в черный комок ночи, которой не будет конца. Бесконечность ночи... темнота сгущалась, ночь эта бесконечна... ее охватил черный негасимый огонь» (с. 75, 80).

Шум дождя воспринимается и репрезентируется автором своеобразно и обладает различными оттенками и нюансами в зависимости от вида дождя и его интенсивности, типа объекта, на который оказывается его физическое воздействие «На дощатой крыше монотонно плясали дождевики... дождь лил не переставая... дождь бьется в стекла и о стены, бурлит и клокочет в переполненных реках и озерах... дождь проникает во все закоулки... ворвался шум дождя... дождь неистово молотил по балкам» (с. 75, 76, 77, 80).

Шум дождя оказывает на Веру Тарлину эмоционально-положительное воздействие, успокаивая ее, усыпляя монотонным звуком, служит звуковым фоном для размеренного течения ее мыслей, пробуждает приятные воспоминания, отгораживает ее от внешнего мира, создавая ощущение безопасности, уюта: «Девушка долго сидела на постели, прислушиваясь к шуму дождя. Ей стало зябко, она закрыла глаза и натянула одеяло, а дождь бесконечно вел свою грустную беседу... дождь напоминал, как она попала на буровую. Он пересказывал ее жизнь... дождь уже пересказывал сон, который ей снился – будто приехала она домой...» (с. 75, 78) и т. п. Вместе с тем шумовые эффекты дождя вызывают у героини и противоположные эмоции: звук дождя мешает спать, резко будит, вызывая чувство тревоги: «Девушка лежала с открытыми глазами. Дождь теперь донимал ее зловещим шепотом» (с. 79).

Тактильный образ дождя репрезентируется в рассказе только образным признаком физического воздействия – холодом и/или сыростью, влажностью различной степени интенсивности: «Когда Вера бегала на вышку, промокла до нитки... она почувствовала, что холодная капля поползла за ворот и, как в детстве, по телу прошел озноб... в балок дохнула сырость» (с. 75, 78, 80).

В рассказе не обнаружено ни одного упоминания о дожде, кодированного образом тепла, теплой воды, что связано не только с природно-климатическими особенностями края, когда промозглая сырость пробирает до костей: «Митроха-то вон уже расклеивается от сырости, аж слышно, как косточки скрипят» (с. 77). Главное – в эмоционально-негативном содержании образа. Тяжелые, бесчеловечные условия ожесточают людей, вытравливают из них доброе и бескорыстное начало, пробуждают звериные инстинкты, следствием чего становится насильственная гибель героини рассказа – Веры Тарлиной.

В рассказе Е. Айпина образ дождя, кроме непосредственных, предметно-образных форм отражения (визуальных, тактильных, слуховых и пр.), связан с целым рядом ассоциаций, на основе которых возникают метафорические образы, свидетельствующие о своеобразии индивидуально-авторского восприятия дождя. Метафорически дождь в рассказе может действовать, подобно живому существу: «Дождь родился так давно...», «...дождь проникает во все закоулки... незваным гостем забрался в укромные дупла, врывается в норы и логова лесных обитателей... петлял недалеко от балков», «нежданно вторгшийся» дождь может говорить, рассказывать: «Бесконечно вел свою грустную беседу, вел торопливо и тревожно, будто спешил, чтоб кто-нибудь не прервал... дождь напоминал, он пересказывал ее жизнь... водяным языком пересказывает все, что услышит... дождь городил неведомо что, залепетал что-то несурзное, о чем-то неведомом и темном... дождь донимал зловещим шепотом... неистово молотил по балкам» (с. 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80).

Дождь в рассказе изображается автором не только метафорически, но и символически – в виде кары небесной. Наконец, сливается воедино все, что связано с дождем, в таком описании: «...небо рыдало не пере-

ставая... тайга угрюмо насторожилась... стонал осинник, роняя пурпурно-кровавую листву... бездонная ночь тонула в переполненных реках и озерах... морщились и стонали древние кедры... темнота сгушалась... дождь лил не переставая» (с. 80).

Также следует отметить, что в рассказе концепт «дождь», выражаясь непосредственно через предметно-образные формы отражения (визуальные, тактильные, слуховые и пр.), в большей степени заключается в функции отображения конфликта между носителями двух цивилизаций – таежных ханты, живущих по законам природы, и строителей «новой, нефтяной эры», принесших разрушение и гибель всего живого. Е. Айпин в самых негативных красках изобразил представителей чужой цивилизации, тем самым показывая, от кого в тайге стали происходить все беды. Контрастом настоящему времени – времени непрерывного дождя предстает в воспоминаниях и сновидениях главной героини мир ее детства, ушедший в прошлое, прерванный, как сон. Это мир, который никогда не вернется к своим первоначальным духовным истокам.

Как мы видим, художественный концепт «дождь» в рассказе Е. Айпина «Время дождей», имеет четко выраженное образное содержание. В его составе доминируют визуальный и звуковой образы, а метафорический образ дождя может воплотиться в религиозный образ-символ, что ярко отображает богатство и оригинальность индивидуально-авторских представлений и ассоциаций. В рассмотренных функциях концепта «дождь», его образном содержании с особой полнотой проявился авторский замысел рассказа.

Литература

1. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. – Волгоград, 1999.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов, 2000.
3. Кулемзин В. М. Ханты р. Аган (по материалам экспедиции 1972 г.) // Из истории Сибири. – Вып. 16. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1975. – С. 130–177.
4. Айпин Е. Д. Время дождей // Айпин А. Д. Клятвопреступник: избранное / послесл. и коммент. В. Огрызко. – М.: Наш современник, 1995. – С. 74–80.